

**ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ПРИ  
ПЕРЕВОДЕ**

**Філософський зміст інтерпретації тексту при перекладі  
The Philosphic Issues of Text Interpretation in Translation**

*Тибайкіна Татьяна Леонидовна – ст.препод. кафедры филологии и перевода  
Днепропетровского национального университета железнодорожного  
транспорта имени академика В.Лазаряна*

**АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются проблемы интерпретации текстов в русле современных теорий герменевтики и дискурсивной лингвистики. Ключевые слова: философия, текст, интерпретация, концепт, дискурс, контекст, трактовка, значение, понятие, содержание, перевод.

Стаття розглядає проблеми інтерпретації текстів згідно з сучасними теоріями герменевтики та дискурсивної лінгвістики. Ключові слова: філософія, текст, інтерпретація, концепт, дискурс, контекст, трактовка, значення, поняття, зміст, переклад.

The article deals with the problems of text interpretation in the context of postmodern theories of hermeneutics and discursive linguistics. Key words: philosophy, text, interpretation, concept, discourse, context, meaning, notion.

Теоретические проблемы интерпретативных альтернатив занимают важное место как в работах постмодерных философов и теоретиков культуры, так и в исследованиях современных лингвистов и литературоведов. Двойная природа герменевтического процесса, ориентированного на создание отдельных интерпретационных моделей и методик [1], была, как известно, блестяще продемонстрирована Полем Рикером в его работе «Фрейд и философия» [2]. Выдающийся философ и теоретик литературы пишет, что на одном полюсе – понимание герменевтики как манифестации и реставрации

значения, адресованного читателю в виде послания, прокламации или «kerigma», на другом – герменевтика понимается как демистификация, редукция иллюзии. Ситуация, в которой язык проявляет себя, по мысли постмодернистов, включает эту двойную возможность: с одной стороны, очистить дискурс, ликвидировать идолов, с другой, – использовать в высшей мере «нигилистическое» движение для того, чтобы «позволить сказать то, что однажды, что каждый раз было сказано, когда значение появлялось заново, когда значение проявлялось во всей своей полноте» [2, с. 27].

Ф. Джеймсон подчеркивает: нельзя недооценивать связь идей Рикера с традицией религиозного, а именно, христианского историзма [3, с. 284 - 285]. При этом, в целом, Джеймсон доказывает приоритет политической интерпретации литературных текстов [3, с. 17].

В качестве примера представляется уместным остановиться на переводческой интерпретации христианских текстов, а именно, на английских переводах Библии. Как отмечают исследователи, чисто лингвистические вопросы первых же переводов Нового Завета на латынь (а затем – на английский) сразу оказались нагруженными идеологическим содержанием и социальными последствиями. Споры о переводе отдельных ключевых слов и понятий разгорелись с появлением первого полного напечатанного перевода Библии, сделанного У. Тиндалом и напечатанного в 1525 – 1526 годах. Примечательна полемика Т. Мора с Тиндалом [4], например, Тиндал переводил греческое слово «presbyter», которое традиционно переводилось как «священник», словом «старейшина»; слово «ekklesia», всегда переводившееся, как «церковь», в переводе Тиндала превратилось в «конгрегацию», «общину», и таким образом, Тиндал подвергал сомнению авторитет священников и церкви. И Тиндал, и Мор, как известно, приняли мученическую смерть за свои убеждения, и, если оставить в стороне их взаимные обвинения в искажении истины, нет никаких оснований сомневаться в их интеллектуальной честности. Проблема, как замечают ученые, состоит в том, что Тиндал подходил к тексту исторически, опираясь на зафиксированное значение греческих слов «presbyter»

и «ekkesia» во времена апостолов. Т. Мор настаивал, что, хотя в Евангелии используются обиходные слова, означающие «община» и «старейшина», но в новом контексте они наделяются новым значением и должны переводиться иначе [5, с. 109].

Таким образом, речь идет о разном взгляде на перевод, который зависит от идеологической установки. Как и Мор, протестант Лютер также ориентировался не на то, что сказано, а на то, что подразумевается (здесь уместно вспомнить о том, что в концептуальных рамках философии языка любой язык рассматривается с точки зрения его «поведения», которым руководят «правила», но, как подчеркивается, при формулировке этих правил не «испытывается» их ценность (дескриптивная адекватность) в качестве инструментария для анализа интенциональности дискурса).

В случае, приведенном выше, язык увеличивает дистанцию религиозных различий, поскольку знак (слово) является носителем прирастающего (или теряемого) смысла. Очевидно, здесь следует вспомнить о том, что в широком понимании концепт – это смысл, языковой концепт – смысл имени, чаще всего возникающий в контексте; смысл же языкового контекста, как известно, величина переменная. По Рикеру, именно действие соединяет слова и события, действие включает высказывание в такой же степени, в какой нарратив «перераспределяет» жизнь, простирающуюся во времени, и «приписывает» себе или другим ответственность за действие. Рикер полагает, что концепт действия является фундаментальным способом того, как человек существует в мире. Интеллектуальная честность Мора и Тиндала, окончивших свою жизнь на костре за «тексты и концепты» (если можно так сказать), – великолепный тому пример.

Безусловно, авторитет Библии был непререкаем, вопрос был в том, как понимать точность. Недаром многие представители церкви считали в XVI в., что священный смысл некоторых понятий нельзя передать в переводе и следует оставить некоторые слова на латыни, среди них *ekklesia*, *poenitentia* (раскаяние),

caritas (милосердие), gratia (милость), sacramentum (таинство) и многие другие [5, с.111].

Как пишет Джеймсон, валидность интерпретации, критерии, согласно которым данная интерпретация может быть признана ошибочной или, напротив, правильной, – весьма тонкое дело. Интерпретация – не изолированный акт, она происходит на поле битвы, «достойном Гомера», и на этом поле множество интерпретативных возможностей всегда находятся или в прямом, или в имплицитном конфликте [3, с.13].

Интерес к проблемам интерпретации, несомненно, связан с «лингвистической одержимостью», присущей второй половине XXв. По Лакану, «цепочка значения» – это тесно соединенная синтагматическая серия означающих, составляющая высказывание или значение. Как пишет Джеймсон, лакановская концепция цепочки означающих, по сути, предполагает один из основных принципов структурализма Ф. де Соссюра, а именно, то предположение, что значение – это не отношение «один на один» между означающим и означаемым, между материальностью языка, между словом или именем и его референтом или концептом. Значение, с новой точки зрения, генерируется движением от означающего к означаемому [6, с.26]. То, что мы обычно называем означаемым – значение или концептуальное содержание высказывания, рассматривается скорее как «значение-воздействие», как объективный мираж сигнификации, возникающий в результате взаимоотношений означающих. Таким образом, Лакан утверждает, что мы все являемся узниками не реальности, но «зеркального мира» означающих. Очевидно, именно поэтому Р. Барт отводит привилегированную роль языку, видя в нем «интерпретанта» всех прочих знаковых систем.

Как полагает Барт, «исторический» смысл произведения есть результат его интенциональности. Задачей исторической науки, по Барту, является реконструкция исторических смыслов литературы. Вместе с тем, продолжает глава французской «новой критики», наряду с устойчивым историческим смыслом произведение несет в себе множество подвижных, изменчивых

«трансистоических» смыслов, которые подлежат уже не реконструкции, а, говоря словами Барта, «производству» со стороны читателя [7, с. 33].

Возвращаясь к текстам Библии, следует сказать, что Ф. Джеймсон также упоминает Ветхий и Новый Завет в русле интерпретации и историзма. Ф. Джеймсон пишет, что Ветхий Завет воспринимался в средневековье как исторический факт. В то же время его доступность как системы фигур речи, «выше» и «сверх» его дословной исторической референции, основывается на концепции самой истории как книги Бога, в которой мы можем изучать знаки и следы того пророческого послания, которое автор, как предполагается, вписал в него. Текст же Нового Завета, описывающий жизнь Христа, идет как исполнение скрытых пророчеств и знаков Ветхого Завета, и этот текст составляет второй, собственно аллегорический уровень. По словам Джеймсона, аллегория здесь открывает возможности текста к множественным значениям, к множеству дополнительных его интерпретаций [2, с.29 – 30].

История переводов Библии – яркий пример таких интерпретаций. Еще Блаженный Иероним писал, что «в переводе с греческого, кроме Священного Писания, в котором и расположения слов есть тайна, необходимо передавать не слово в слово, а мысль в мысль» [5, с.107].

Для многих переводчиков религиозных текстов преданность тексту во все времена была самым главным приоритетом, но «базовая ориентация» переводчика все же бывает разной: в этом случае теоретики говорят о переводе, «центрированном на авторе», и переводе, «центрированном на тексте». В качестве примера Б. Хатим и Я. Мейсон приводят известный отрывок из библейской притчи о работниках и винограднике (Евангелия от Матвея, гл. 20): «Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой...». В английских переводах, которые рассматривают ученые, упоминаются «...labourers for a penny a day» (Authorized Version of 1611); labourers for a denarius a day» (Revised Standard Version of 1881) и работники, которым он пообещал заплатить их обычный

дневной заработок – «the usual day's wage» (There was once a landowner who went out early one morning to hire labourers for his vineyard; and after agreeing to pay them the usual day's wage he sent them...; New English Bible, 1961). Как мы видим, в последнем случае переводчик полагает и первый, и второй вариант неадекватными, поскольку ни «пенни», ни «динарий» не несут смысловой нагрузки в коммуникации. Выбирая «the usual day's wage», переводчик отходит таким образом от текста для обеспечения адекватной коммуникативной реакции читателя [8, с. 17 – 18].

Так произошло, что главный текст европейской культуры и литературы функционировал (и функционирует) в переводах, и роль переводчика как интерпретатора трудно переоценить: переводчик «извлекает смыслы» из текста. При этом важно подчеркнуть, что поскольку текст является, как известно, носителем культурной традиции, философы настаивают, вслед за Хайдеггером, на единстве понимания, истолкования и «применения». Понимание же, как утверждается, всегда является «интерпретативным» и нацелено не на извлечение авторского смысла, а на раскрытие того содержания, которое явлено в тексте.

«Текстура» (texture) как организация текста, включающая «сцепку»; тему и рему, является одной из определяющих характеристик текста. Именно это качество обеспечивает то, на чем текст «держится» – лингвистически и концептуально. От переводчика ожидается, что текст, который он переводит, будет «связный» (имеющий непрерывный и последовательный смысл) и «связующий» (проявляющий «соединительность» поверхностных элементов). Эти качества «текстуры» непременно приводят переводчика к рассмотрению «слов на странице» (формы) и способов передачи значения от производителя текста к его получателю (содержания). Будучи весьма традиционным, такой подход все же значительно упрощает процесс перевода в силу известной проблематичности отношений производителя текста и его получателя. Лингвистическое использование таких терминов как «посыл», «кодирование» и «декодирование» также не проясняет ситуацию. Во многом вследствие влияния

на лингвистику информационной теории и кибернетики во второй половине XX века складывалось мнение, что процесс передачи значения в тексте является механическим. Такое заключение предполагало, что «посыл» (message) – это инвариантный конструкт, конкретная целостность, которая передается «неповрежденной» от автора к читателю. Другими словами, значение и выражение отделены, как будто бы они не соотносятся друг с другом, а случайно оказались «слитыми воедино» в тексте. Но, как утверждают исследователи, рассматривающие перевод не «текстов», но «дискурсов», перевод – это всегда мотивированный выбор. Если мы соглашаемся с тем, что значение – это нечто в процессе «переговоров» между производителями и получателями текстов, тогда следует, что переводчик в качестве особого вида пользователя текста вмешивается в этот процесс «переговоров», изменяя не только его направление но, зачастую, и границы. В случае с текстами, принадлежащими культуре, степень «вмешательства» переводчика во многом зависит от нужд «потребителя» текста. В современной ситуации постмодерного общества потребления этот вопрос нельзя недооценивать. Мир меняется, и интерпретация будет нацелена на тот конечный продукт (артефакт), который пользуется большим спросом у потребителя: всегда можно слегка изменить дискурс, «дожать» или «недожать», аргументируя тем, что каждое чтение текста – это уникальный акт, и хороший текст обязан вызывать различные отклики у разных потребителей.

А потому – возможна ли объективность при переводе текста? Каково соотношение точности и свободы? Что делать с текстом, который представляет собой сплошную «авторскую загадку»? Другими словами, как проникнуть в «душу писателя»? Сегодня более чем очевидно, что эти проблемы занимают не только лингвистов или литературоведов, но и философов. Как известно, перевод по-английски – «interpretation». Интерпретация в современном понимании этого термина является неотъемлемой частью постмодерного философского дискурса.

## Литература

1. Madison G.B. The Politics of Postmodernity: Essays in Applied Hermeneutics/ Gary Brent Madison. – Kluwer Academic Publishers, 2001. – 210p.
2. Ricoeur P. Freud and Philosophy/ Paul Ricoeur. – New Haven: Yale: Yale University Press, 1970. – 525 p.
3. Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act/ Fredric Jameson. – London: Routledge, 1996. – 299 p.
4. Bobrick B. The Making of the English Bible/ Benson Bobrick.– London: Weidenfield and Nicholson, 2001. – 376 p.
5. Борисенко А. «...как бы сквозь тусклое стекло...»/ Александра Борисенко// Иностранная литература. Парадоксы литературного перевода. – № 12, 2010. – С. 105 – 116.
6. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism/ Fredric Jameson. – London, – New York: Verso, 2009 – 438 p.
7. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед// Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – 431 с.
8. Hatim B., Mason J. Discourse and the Translator/ Basil Hatim, Jan Mason. – London and New York: Longman, 1997. – 258 p.